

ИВАН
ПУТИЛИН

*Сорок лет среди
убийц и грабителей*

АЗБУКА-КЛАССИКА
NON-FICTION

Азбука-классика. Non-Fiction

Иван Путилин

**Сорок лет среди
убийц и грабителей**

«Азбука-Аттикус»

1893

УДК 94(47)+343.132

ББК 63.3(2)+67.73

Путилин И. Д.

Сорок лет среди убийц и грабителей / И. Д. Путилин — «Азбука-Аттикус», 1893 — (Азбука-классика. Non-Fiction)

ISBN 978-5-389-25885-3

Если и был в Российской империи свой Шерлок Холмс, то это Иван Дмитриевич Путилин (1830–1893) – первый глава петербургской сыскной полиции. Задолго до выхода первых повестей и рассказов Конан Дойла гений русского сыска практиковал так называемый «дедуктивный метод». Так же как Холмс, Путилин нередко переодевался: в костюме чернорабочего или бродяги проникал в самые опасные места уголовного мира тогдашнего Петербурга. Помимо аналитического и артистического талантов, Иван Дмитриевич обладал необыкновенным даром рассказчика. Книга «Сорок лет среди убийц и грабителей» составлена на основе подлинных уголовных дел, расследованных им, и выдержала множество переизданий. Можно смело утверждать, что ни одно современное произведение литературы и кино, созданное в жанре «ретродетektива», не обошлось без обращения к первоисточнику – путилинской книге, погружающей читателей в жизнь имперской столицы. В формате PDF А4 сохранён издательский дизайн.

УДК 94(47)+343.132

ББК 63.3(2)+67.73

ISBN 978-5-389-25885-3

© Путилин И. Д., 1893

© Азбука-Аттикус, 1893

Содержание

Иван дмитриевич Путилин	6
Таинственное убийство австрийского военного агента	9
Сложная задача	10
По горячим следам	12
Опытный сообщник	15
Серый цилиндр	17
Сознание	18
Заговор преступников	20
Ключ-предатель	22
Грабеж	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Иван Путилин

Сорок лет среди убийц и грабителей

Оформление обложки Ильи Кучмы

Текст печатается по изданию:

40 лет среди убийц и грабителей: Записки первого начальника Петроградской сыскной полиции И. Д. Путилина.

© ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2024

Издательство Азбука®

Иван дмитриевич Путилин (Биографический очерк)¹

И. Д. Путилин принадлежит к тому нередкому, к счастью, типу даровитых русских людей, которые только собственными трудами и способностями проложили себе дорогу в жизни.

Сын бедного чиновника (коллежского регистратора), И. Д. родился в г. Новом Осколе Курской губернии в мае месяце 1830 года. Родители его перебивались, что называется, с хлеба на квас, и по достижении Ваней десятилетнего возраста определили его в Новооскольское уездное училище, курс которого был окончен мальчиком в четыре года. Учился он в этом училище, как видно из сохранившегося «свидетельства», в общем только посредственно, при хорошем поведении. Впрочем, судя по воспоминаниям самого И. Д., в этот период своей жизни ни он особенно не налегал на книжное ученье, ни домашние не налегали на него во имя того же ученья. Школьной тогдашней науке он предпочитал игры со сверстниками на открытом воздухе. Это было и к лучшему. Подобный режим укрепил его здоровье и способствовал выработке самостоятельного и энергичного характера.

Как бы то ни было, но четырнадцати лет молодой Путилин уже окончил курс «уездной» науки, а материальные недостатки семьи заставляли серьезно призадумываться и его, и родителей о приискании какого-либо места.

И вот, послужив несколько лет в Новом Осколе, молодой И. Д. Путилин решается отправиться в Петербург попытать счастья. Это было в 1850-х годах, И. Д. было в это время около двадцати лет.

Отправляясь в столицу, И. Д. имел там некоторую, как говорят, «заручку»: старший брат его Василий, получивший образование в Межевом институте, служил здесь уже несколько лет в Министерстве внутренних дел. Он же содействовал и тому, что прибывший в Петербург младший брат поступил на службу канцелярским служителем в то же министерство, в хозяйственный департамент.

Способности и необыкновенное трудолюбие молодого человека, скромнейшего «канцелярского служителя», были скоро замечены и оценены здесь. Но с одним свидетельством об окончании уездного училища И. Д. Путилину пришлось если бы и не всю жизнь, то, во всяком случае, очень и очень долго пробыть в положении канцелярского писца. Это заставило молодого человека призадуматься. Случилось, к счастью, что непосредственный начальник И. Д., столоначальник, а впоследствии и вице-директор И. А. Виноградов принял в своем канцеляристе близкое участие и советовал ему учиться еще и еще.

Все свои свободные вечера и часы И. Д. начал проводить с этих пор за книгой. Из своего более чем скромного жалованья он ухитрялся кое-что урывать на наем учителей из студентов. И старания его увенчались успехом. В 1853 году, то есть на 23-м году жизни, И. Д. выдержал при Петербургском университете экзамен из полного гимназического курса, что дало ему право быть причисленным по образованию ко 2-му разряду гражданских чиновников. Но на службе в хозяйственном департаменте Министерства внутренних дел И. Д. Путилин пробыл лишь до конца 1854 года. В декабре же этого года он решил перейти на более подвижную, хотя и более хлопотливую, полицейскую службу. По прошению он был перемещен на должность младшего помощника квартального надзирателя Толкучего рынка.

С этой маленькой должности началась полицейская почти сорокалетняя карьера И. Д. Путилина, с этого же времени начались непрерывные и быстрые успехи его по службе, отличия

¹ Очерк входил в издание: 40 лет среди убийц и грабителей: Записки первого начальника Петроградской сыскной полиции И. Д. Путилина: В 2 т. Т. 1. Пг.: М., 1916.

и награды. А с 1866 года, когда при петербургском обер-полицейстере, а впоследствии градоначальнике было учреждено управление сыскной полиции, И. Д. был назначен начальником последней. Это управление сыскной полицией продолжалось почти непрерывно с 1866 года по 1889 год; и свою службу И. Д. окончил в чине тайного советника, со звездой Анны I-й степени. Досталось все это, впрочем, новейшему русскому Леоку, как сейчас увидим, не даром.

Самый беглый пересмотр истории всякого рода мошенничества и преступлений второй половины XIX столетия тотчас показывает, что в лице И. Д. Путилина преступные элементы России имели достойного противника. Благодаря ему огромные суммы денег были возвращены казне и частным лицам, сделавшимся жертвой различного рода преступлений; были изобличены и раскрыты целые ряды грандиозных мошенничеств, подлогов, таможенных преступлений, поджогов, подделок кредитных билетов, загадочных убийств и всякого иного вида и сорта преступных деяний...

И. Д. Путилин был полицейским в лучшем смысле этого слова не только по службе, но и по призванию. Об этом свидетельствует как то, что он сам добровольно избрал род этой деятельности, так и то, как любовно относился он к своему делу. Тотчас, при самом начале своей полицейской карьеры в должности младшего помощника квартального надзирателя на Толкучем рынке, он с интересом и серьезно начал знакомиться с преступным миром Петербурга. Первый попавшийся ему в начальство квартальный надзиратель оказался человеком весьма строгим и требовательным по службе. И. Д. пришлось пройти хорошую начальную школу. Независимо от этого он, из любви к искусству, в свободные часы переодевался в костюм чернорабочего или босяка или в иной и посещал всякого вида и рода постоянные дворы, притоны, трактиры и вертепы, где околачивалась всякая бесприютная и преступная столичная перекатная голь и нищета. Здесь он вслушивался, запоминал речи, разговоры и лица, изучал воровской жаргон, заводил даже всякого рода знакомства.

Подобное «изучение» иногда было далеко не безопасно. Так, на первых порах этого изучения И. Д. попал однажды в «Золотой якорь» на Васильевском острове, и здесь, во время поднявшейся общей свалки, ему между прочим так помяли бока, что он насилу ушел. Этот урок, впрочем, нисколько не охладил усердия молодого человека, и он продолжал свою практику. Зато разыгрывать роли то чернорабочего, то купца, то босяка, то даже духовного лица он научился в совершенстве, и это в течение всей его дальнейшей карьеры сослужило ему немалую службу.

Интересные факты рассказывал по этому поводу покойный. В особенности пригодились ему это умение переодеваться и играть роли при раскрытии знаменитой в свое время фабрики фальшивых ассигнаций в Богородском уезде Московской губернии, организованной в широких размерах братьями Пуговкиными. И. Д. приходилось здесь играть роль диакона, якобы высланного из Москвы на послушание... Дело удалось раскрыть блестяще. Оказалось, что подделка кредиток была доведена до совершенства и сбывалось их не менее полумиллиона ежегодно. Обвиняемые пригласили лучших адвокатов своего времени, и защита велась блестяще. Но Путилину удалось найти и блестящих в своем роде свидетелей. Так, один из них на вопрос председателя: «Что вам известно по делу Пуговкиных?» – ответил:

– Ничего не известно.

– Ну а чем занимались братья Пуговкины? – спрашивают его.

– Чем?.. Известно чем, – был ответ, – деньги делали!.. Это всякий мальчонка знал.

Этот простой, но искренний ответ произвел свое впечатление на присяжных, и все красноречие адвоката не могло его изгладить. Пуговкины пошли на каторгу.

Следует отметить еще одно замечательное наблюдение, вынесенное И. Д. из своей многолетней практики. Самых закоренелых преступников и страшных убийц он всегда допрашивал в своем кабинете с глаза на глаз. И не было случая, чтобы кто-либо когда-нибудь поднял на него руку или даже оскорбил его словом.

Это гуманное отношение к преступникам, как это ни странно, создавало И. Д. «приятелей» в этом своеобразном мире. И частенько, отправляясь в тюрьму по тем или иным делам, Путилин находил здесь старых знакомых – арестантов, которые расспрашивали об обстоятельствах дела и... по секрету давали ему весьма ценные указания и советы.

В 1889 году закончилась почти сорокалетняя полицейская служба И. Д., удалившегося по болезни окончательно в отставку с чином тайного советника.

По выходе в отставку Путилин поселился в своей усадьбе, на реке Волхов, в Новолодожском уезде. Здесь, на свободе, у него созрела мысль разработать и издать в виде записок накопившийся у него за долготлетнюю службу интереснейший материал по всякого рода уголовной хронике России. Нечего и говорить, насколько были бы интересны подобные записки, доведенные до конца непосредственно самим И. Д. Он уже и принялся было за них. Привел в порядок многие бумаги, набросал план и распорядок записок, принялся за их детальную разработку.

Но как раз в то время, когда он желал приступить к печатанию своих записок, смерть неслышно подкралась к нему и унесла его в могилу. 18 ноября 1893 года, в 7 часов вечера, И. Д. умер у себя в деревне от инфлюэнцы, осложненной острым отеком легких, как определил причину его смерти местный земский врач.

Так окончилась жизнь этого, бесспорно, замечательного в своем роде служилого русского человека. К сказанному остается только прибавить, что после покойного не осталось никакого состояния: и движимое, и недвижимое пошло «с молотка» для расчета с кредиторами...

В руках наследников остались только отцовские записки да груды всяких интересных материалов.

Таинственное убийство австрийского военного агента

Это было почти с начала моей деятельности в качестве первого начальника управления сыскной полиции, учрежденного при петербургском обер-полицейстере, потом градоначальнике, в 1866 году.

25 апреля 1871 года, часу в девятом утра, в управление сыскной полиции мне было дано знать, что австрийский военный агент князь Людвиг фон Аренсберг найден камердинером мертвым в своей постели.

Князь жил на Миллионной улице в доме, принадлежавшем ранее князю Голицыну, близ Зимнего дворца, как раз против помещения первого батальона Преображенского полка.

Военный агент занимал весь нижний этаж дома, окнами на улицу. Квартира имела два хода: парадный, с подъездом на Миллионную, и черный. Парадные комнаты сообщались с людскими довольно длинным коридором, оканчивавшимся небольшими сенями. Верхний этаж дома был не занят.

У князя было шесть человек прислуги: камердинер, повар, кухонный мужик, берейтор и два кучера, но из всех их лишь один кухонный мужик находился безотлучно при квартире, ночуя в людской. Камердинер и повар на ночь уходили к своим семьям, живущим отдельно, берейтор тоже постоянно куда-то отлучался, кучера же жили во дворе в отдельном помещении.

Князь был человек еще не старый, лет под шестьдесят, холостой и прекрасно сохранившийся. Он мало бывал дома. Днем разъезжал по делам и с визитами, обедал обыкновенно у своих многочисленных знакомых и заезжал домой только часов около восьми вечера. Здесь час, много два отдыхал и вечер проводил в Яхт-клубе, возвращаясь домой с рассветом.

Не желая, вероятно, иметь свидетелей своего позднего возвращения, а может быть, руководясь иными соображениями, но швейцара при парадной входной двери князь не захотел держать и настоял на том, чтобы домовладелец отказал бывшему прежде швейцару. Ключ от парадной двери для ночных возвращений он держал при себе.

Когда князь бывал дома, парадная дверь днем оставалась открытой.

Сложная задача

Получив известие о смерти князя фон Аренсберга, я, конечно, не теряя ни минуты, направив к квартире князя нескольких своих агентов, прибыл туда сам. Вскоре за мной явился туда же прокурор окружного суда, а вслед за ним масса высокопоставленных лиц, в том числе тогдашний австрийский посол при нашем дворе граф Хотек.

Дело всполошило и взволновало весь Петербург. Государь повелел ежечасно докладывать ему о результатах следствия. Надо сознаться, что при таких обстоятельствах, в присутствии такого числа и таких высоких лиц было не только труднее работать и соображать, но даже, как мне казалось, было поставлено на карту существование самой сыскной полиции, не говоря уже о моей карьере.

«Отыщи или погибни!» – говорили, казалось мне, глаза всех. Но надо было действовать...

Предварительный осмотр дал только следующее.

Никаких взломов дверей или окон не замечалось. Злоумышленник или злоумышленники вошли в квартиру, очевидно открыв дверь готовым ключом.

Из показаний прислуги выяснилось, что около шести-семи часов утра камердинер князя вместе с поваром возвратились на Миллионную, проведя всю ночь в гостях.

В половине девятого часа камердинер бесшумно вошел в спальню, чтобы разбудить князя. Но при виде царившего в комнате беспорядка остановился как вкопанный, затем круто повернул назад и бросился в людскую.

– Петрович, с князем несчастье!.. – задыхаясь, сказал он повару, и они оба со всех ног бросились в спальню, где глазам их представилась такая картина: опрокинутые ширмы, лежавшая на полу лампа, разлитый керосин, сбита кровать и одеяло на полу. Голые ноги князя торчали у изголовья, а голова была в ногах кровати.

– Оставайся здесь, а я пошлю дворника за полицией, – сказал повар.

Накануне же этого несчастного дня, то есть 24 апреля 1871 года, князь, по обыкновению, в 9 ¹/₄ часов вечера вышел из квартиры и приказал камердинеру разбудить себя в 8 ¹/₂ часов утра. У подъезда он взял извозчика и поехал в Яхт-клуб. Камердинер затворил на ключ парадную дверь, поднялся в квартиру и, подойдя к столику в передней, положил туда ключ от парадной.

Камердинер убрал спальню, приготовил постель, спустил шторы, вышел из комнат, запер их на ключ и через дверь, которая соединяла коридор с сенями, отправился в людскую, где его поджидал повар; четверть часа спустя камердинер с поваром сели на извозчика и уехали. Вот и все, что удалось узнать от прислуги.

В комнате-спальне князя царил хаос. Одного взгляда было достаточно, чтобы убедиться, что князь был задушен после отчаянного с его стороны сопротивления.

Лицо убитого было закрыто подушкой, и когда, по распоряжению прокурора, подушка была снята, то присутствующие увидели труп, лежащий ногами к изголовью. Руки его были сложены на груди и завернуты в конец простыни, а затем перевязаны оторванным от оконной шторы шнурком. Ноги были тоже завязаны выше колен собственной рубашкой убитого, около щиколоток же они были перевязаны обрывком бечевки. Когда труп приподняли, то под ним нашли фуражку.

Одеяло и подушки валялись на полу, залитом керосином из разбитой и валявшейся тут же лампы. На белье видны были следы крови, вероятно от рук убийц, так как на теле князя никаких ран не было.

По словам камердинера, похищены были разные вещи, лежавшие в столике около кровати: золотые французские монеты, золотые часы, два иностранных ордена, девять бритв,

серебряная мыльница, три револьвера и принадлежавшая покойному пуховая шляпа – цилиндр.

В комнате рядом со спальней мебель была перевернута. На крышке несгораемого сундука, где хранились деньги князя и дипломатические документы, были заметны повреждения и следы крови. Видимо, злоумышленники потратили много сил, чтобы открыть сундук или оторвать его от пола, но толстые цепи, которыми он был прикреплен к полу, не поддались. Около окна валялся поясной ремень, а на окне стояла маленькая пустая «косушка» и лежал кусочек чухонского масла, завернутый в бумагу.

Вот все, с чем предстояло начать поиски.

По горячим следам

Чтобы иметь еще какие-нибудь улики, я начал внимательно всматриваться в убитого и заметил, что труп князя лежал головой в сторону, противоположную от изголовья кровати.

Это положение трупа не случайное, подумал я. Злодеи во время борьбы прежде всего постарались отдалить князя от сонетки, висевшей как раз над изголовьем, за которую князь неминуемо должен был ухватиться рукою, если бы злодеи на первых же порах не позаботились переместить его тело так, чтобы он не мог уже достать сонетки и, стало быть, позвать к себе на помощь спавшего на кухне кухонного мужика.

Но так поступить, очевидно, мог только человек домашний, знавший хорошо привычки князя и расположение комнат.

Вот первое заключение, сложившееся у меня в те несколько минут, которые я провел у кровати покойного. Само собой разумеется, что этих предположений я не сообщал покуда ни прокурору, ни всему блестящему обществу, присутствовавшему в квартире князя при осмотре.

Я принялся опять за расспросы камердинера, кучеров, конюха, дворника и кухонного мужика.

Не надо было много труда, чтобы убедиться, что между ними убийцы нет. Ни смущения, ни сомнительных ответов, ни вообще каких-нибудь данных, внушающих хотя бы тень подозрения на домашнюю прислугу князя, не обнаружилось. С этой стороны вопрос, как говорится, был исчерпан... И все-таки я не отказывался от мысли, что убийца князя – близкий к дому человек.

Тогда я вновь принялся за расспросы прислуги, питая надежду, что между знакомыми последней найдутся подозрительные лица.

Надо сказать, что прислуга покойного князя, получая крупное жалованье и пользуясь при этом большой свободой, весьма дорожила своим местом и жила у князя по несколько лет, – исключение в этом случае составлял кухонный мужик, который поступил к князю не более трех месяцев тому назад.

Прекрасная аттестация о нем графа Б., у которого он служил десять лет до отъезда последнего за границу, все собранные о нем сведения и правдивые ответы о том, как он провел последнюю ночь, внушали полную уверенность в его неприкосновенности к этому делу.

Я хотел уже кончить допрос, как вдруг у меня явилась мысль спросить кухонного мужика, кто жил у князя до его поступления.

– Я поступил к князю, когда уже был рассчитан прежде меня служивший кухонный мужик, и потому я его не видал и не знаю.

Стоявший тут же дворник при последних словах кухонного мужика сказал:

– Да он вчера был здесь.

– Кто это «он»? – спросил я у дворника.

– Да Гурий Шишков, прежний кухонный мужик, служивший у князя!.. – последовал ответ.

После расспросов прислуги и дворников оказалось, что служивший месяца три тому назад у князя кухонным мужиком крестьянин Гурий Шишков, только что отсидевший в тюрьме свой срок по приговору мирового судьи за кражу, совершенную им где-то на стороне, заходил за день до убийства во двор этого дома, чтобы получить расчет за прежнюю службу, но, не дождавшись князя, ушел, сказав, что зайдет в другой раз.

Предчувствие или опыт подсказали мне, что эта личность может послужить ключом к разгадке тайны.

Но где же проживает Шишков? У кого он служит или служил раньше?

На все эти вопросы, задаваемые мной прислуге князя, последняя ничего не могла ответить. Никто ничего не знал.

Немедленно я послал агента в адресный стол узнать адрес Шишкова. Прошел томительный час, пока агент не явился обратно.

«На жительство, по сведениям адресного стола, Гурий Шишков в Петербурге не значится» – вот ответ, который принес агент.

Между тем узнать местожительство Гурия Шишкова для успеха дела было весьма важно. Но как это сделать? Подумав, я решил пригласить полицейского надзирателя Б., велел ему немедленно ехать в тюрьму, в которой сидел Шишков, и постараться получить сведения о крестьянине Гурии Шишкове, выпущенном на свободу несколько дней тому назад. Сведения эти он должен был получить от сидевших с Шишковым и отбывающих еще срок наказания арестантов. Полицейский чиновник поехал исполнять мои приказания.

Я был вполне уверен, что этот прием даст желаемые результаты.

Быть не может, думал я, чтобы во время трехмесячного сидения в тюрьме Шишков не рассказал о себе или о своих родных тому, с кем он вел дружбу. Весь вопрос в том, сумеет ли выведать Б. то, что нужно.

Через три часа я уже знал, что Шишкова во время его заключения навещали знакомые и его жена, жившая, как указал товарищ Шишкова по заключению, на Васильевском острове у кого-то в кормилицах.

Приметы Шишкова следующие: высокого роста, плечистый, с тупым лицом и маленькими глазами, на лице слабая растительность... Смотрит исподлобья.

– Прекрасно, поезжайте теперь к его жене, – сказал я Б., передавшему мне эти сведения, – и если Шишков там, то арестуйте его и немедленно доставьте ко мне.

– А если Шишкова у жены нет, то арестовать прикажете его жену? – спросил меня Б.

– Но не сразу... Оденьтесь на всякий случай попроще, чтобы походить на лакея, полотера – вообще на прислугу. В этом виде вы явитесь к мамке, конечно, через черный ход, вызовите ее на минуту в кухню и, назвавшись приятелем ее мужа, скажите, что вам надо повидать Гурия. Если же она вам на это заявит, что его здесь нет, то, как бы собираясь уходить, вы с сожалением в голосе скажите: «Жаль, что не знаю, где найти Гурия, а место для него у графа В. было бы подходящее... Шутка сказать, 15 рублей жалованья в месяц на всем готовом. За этим я и приходил... Ну, прощайте, пойду искать другого земляка, время не терпит. Хотел поставить Гурия, да делать нечего». Если же и после этого жена вам не укажет адреса знакомых или родных, где, по ее мнению, можно найти Гурия, то вам надо будет, взяв дворника, арестовать ее и доставить ко мне, сделав обыск в ее вещах.

Между четырьмя и пятью часами вечера к воротам дома по 2-й линии Васильевского острова подошел какой-то субъект в стареньком пальто, высоких сапогах, с шарфом вокруг шеи. Это был переодетый Б. Он вошел в дворницкую и, узнав там номер квартиры, в которой жила г-жа К-ва, пошел с черного хода и позвонил. Дверь отворила кухарка.

– Повидать бы мне надо на пару слов мамку, – произнес Б. просительно.

Кухарка вышла и через минуту воротилась с мамкой. С первых же слов Б. увидел, что мужа ее в квартире нет. Когда он довольно подробно объяснил цель своего прихода и сделал вид, что собирается уходить, мамка его остановила.

– Ты бы, родимый, повидался с дядей Гурьяна... Он всегда пристает у него на квартире, когда без места, а у меня он больше трех месяцев не был, хоть срок ему уже вышел. Неласковый какой-то он стал! – с грустью заключила баба.

Кроме адреса дяди, мамка сказала еще два адреса его земляков, где, по ее мнению, можно было встретить мужа. Когда Б. передал мне весь свой разговор с женой Шишкова, я решил сделать одновременно обыск у дяди Шишкова, крестьянина Василия Федорова, проживавшего

по Сергиевской ул. кухонным мужиком у греческого консула Р-ки, и еще в двух местах по указанным адресам, где можно было бы рассчитывать застать Шишкова.

Обыск у крестьянина Федорова был поручен тому же Б., которому были известны приметы Гурия, а в помощь ему были командированы два агента...

Несмотря на приближение ночи – был уже девятый час на исходе, – Б. с двумя агентами и околоточным надзирателем подъехали на извозчиках к дому по Сергиевской улице. Тотчас звонком в ворота были вызваны дворники.

Из соседнего дома также по звонку явились два дворника, а по свистку околоточного надзирателя – два городских.

Все выходы в доме тотчас были заняты караулом, после чего полицейский чиновник Б. вместе с агентами, околоточным надзирателем и старшим дворником стали взбираться по черной лестнице во второй этаж. Чтобы застать врасплах и отнять возможность сопротивления или сокрытия вещей, Б. распорядился действием своего отряда так: старший дворник должен был позвонить у черных дверей, и когда войдет в кухню, то должен был спросить у Василия Федорова, нет ли у него Шишкова, за которым прислала его жена с Васильевского острова.

Вслед за дворником, у черных дверей, которые дворник не должен был наглухо затворять, чтобы можно было с лестницы слышать все, что происходит в кухне, и сообразно этому действовать, должны были находиться чиновник Б. и околоточный надзиратель. Агент же должен был занять нижнюю площадку лестницы и по свистку явиться в квартиру.

Старший дворник дал звонок. Дверь тотчас отворила какая-то женщина. Появление в кухне дворника никого не встревожило, и все продолжали делать свое дело. Дворник, окинув взглядом кухню, прямо направился к невзрачному человеку, чистившему на прилавке ножи.

– Послушай, Василий, мне бы Гурия повидать, там какая-то баба от жены его прислана.

– Да он тут валяется – должно быть выпивши! – И Василий крикнул: – Гурьяша, подька сюда! Тут в тебе есть надобность!

Из соседней с кухней комнаты с заспанным лицом и мутным взглядом вышел плечистый малый и буркнул:

– Чего я тут понадобился?..

Но не успел он закончить фразы, как его схватили.

– Где ты эту ночь ночевал? – обратился к Шишкову чиновник Б.

– У дяди, – последовал ответ.

– Василий Федоров, правду говорит племянник?

– Нет, ваше высокородие, это не так. Гурий вышел из квартиры вчерашнего числа около шести часов вечера, а возвратился только сегодня в седьмом часу утра.

Остальная прислуга подтвердила показание дяди об отсутствии племянника в ночь, когда было совершено преступление.

При осмотре у Шишкова было найдено в жилетном кармане 21 рубль кредитными бумажками, из которых одна трехрублевая бумажка носила следы крови. Больше ничего подозрительного не было найдено ни у Шишкова, ни у его дяди.

Когда обыск был закончен, чиновник Б. приказал развязать Гурия, предупредив последнего, что при малейшей его попытке к бегству он будет вновь скручен веревками. Затем его посадили в карету и повезли в сопровождении чиновника Б-ва и околоточного надзирателя.

Во время дороги Шишков хранил молчание, исподлобья поглядывая на полицейских чинов.

Спустя полчаса карета подкатила к воротам дома управления сыскной полиции, помещавшегося в то время на одной из самых аристократических улиц города.

Итак, к вечеру того же дня, когда было обнаружено убийство, был задержан один из подозреваемых.

Опытный сообщник

Между тем все подробности обстановки происшествия – как то: вид задушенной жертвы, которая нещадным образом была перевязана или, вернее сказать, скручена веревками, время, которое надо было иметь, чтобы оторвать эту веревку от шторы, не выпуская жертвы из рук, так как веревка, очевидно, потребовалась уже после задушения, для безопасности, чтобы не вскочил придушенный, и, наконец, довольно значительные следы крови и повреждений на несгораемом сундуке, прикованном к полу, – все эти признаки, вместе взятые, убеждали меня, что тут работал не один человек, а несколько, друг другу помогавших, и потому ограничиваться арестованием одного из подозреваемых в убийстве – это значило не выполнить всей задачи раскрытия преступления.

Но как обнаружить сообщников преступления? Сознание Шишкова и указание на сообщников, несомненно, облегчили бы поиски преступников. Поэтому тотчас по доставлении Шишкова в сыскное отделение я дал знать судебным властям.

По экстраординарности ли преступления, или, быть может, потому, что быстрота поимки преступника возбуждала у лиц судебной власти некоторое сомнение на счет того, не захватила ли полиция, по излишнему усердию, кого ни попало, Шишкова не потребовали на Литейную для допроса, как это делалось обыкновенно, а, напротив, все высокопоставленное общество, находившееся в квартире убитого: и судебные чины, и зрители – все без исключения пожаловали в управление сыскальной полиции.

Прокурор и следователи принялись с некоторым недоверием за допрос Шишкова. Последний упорно отрицал свою виновность. Судебной власти предстояло повозиться с ним немало, но моя роль по отношению к нему была окончена.

Несмотря на несознание Шишкова, я был глубоко убежден, что он, несомненно, один из виновников преступления. Я решил искать соучастников Шишкова среди преступников, отбывавших наказание в тюрьме вместе с ним, и с этой целью отправил в тюрьму опять-таки чиновника Б.

Из беседы его с двумя арестантами, которым, как старым своим знакомым, не раз побывавшим в сыском отделении, он свез чаю, сахару и калачей, Б. узнал, что Шишков, вообще не любимый арестантами за свою злобность и несообщительность, дружил с одним лишь арестантом – Гребенниковым, окончившим свой срок заключения несколькими днями ранее Шишкова. Те же арестанты в общих чертах сообщили Б. приметы Гребенникова.

Но всякие следы о местопребывании Гребенникова отсутствовали. Ни родных, ни знакомых обнаружить не удалось.

Узнав от Б. эти подробности, я велел дежурному полицейскому надзирателю, чтобы к 10 часам вечера весь наличный состав сыскального отделения был в сборе и ждал моих дальнейших распоряжений.

Около полуночи я собрал агентов и дал им инструкцию обойти все трактиры и притоны, в которых собирались подонки столицы для раздела добычи и разгула. Целью этого обхода было собрать сведения о молодом человеке 25–28 лет, высокого роста, с маленькими черными усиками и такую же бородкою, кутившем в одном из этих заведений в течение сегодняшнего дня. Возможно, что лицо это при расплате давало менять французские золотые монеты.

– Человек, которого нам нужно найти, – сказал я агентам, – сегодня утром был, вероятно, в сером цилиндре с трауром. Если вы найдете такого господина, не упускайте его из виду и – в крайнем случае – арестуйте и доставьте ко мне.

– Вам же, – обратился я к полицейскому Б. и двум агентам, – как я уже сказал, поручаю особенно тщательно и прежде всего осмотреть трактирные заведения и постоялые двory, расположенные по Знаменской улице, а именно трактиры: «Три великана», «Рыбинск», «Калач»,

«Избушка», «Старый друг» и «Лакомый кусочек» – в этих заведениях, если вы не встретите самого Петра Гребенникова, которого тотчас арестуйте, то, наверно, от буфетчиков, половых, маркеров и завсегдатаев получите, конечно, при некоторой ловкости, сведения о местопребывании Гребенникова; старайтесь разузнать, нет ли у Гребенникова любовницы; особенное внимание обратите на проституток.

Полчаса спустя один из агентов, юркий еврей М., вошел на грязную половину трактира «Избушка». Здесь стоял дым коромыслом; из бильярдной слышался стук шаров и пьяные возгласы. Агент протолкался в бильярдную и, сев за столик, спросил бутылку пива. Публика – если можно так назвать сброд, наполнявший трактир, – все прибывала и прибывала. Агент, севший в тени, чтобы не обратить на себя внимание, зорко вглядывался в каждого входившего и прислушивался к разговору. Убедившись наконец, что в бильярдной Гребенникова нет, М. сел в общем зале, недалеко от буфета. Здесь почти все столики были заняты. Две проститутки были уже сильно навеселе, и около них увивались «кавалеры», среди которых агент без труда узнал многих известных полиции карманных воров и других рыцарей «воровского ордена».

Часы пробили половину двенадцатого – оставалось мало времени до закрытия заведения. М. перестал надеяться получить какие-либо сведения о Гребенникове. Вдруг его внимание приковал донесшийся до него разговор:

– Выпил, братец ты мой, он три рюмки водки, закусил балыком и кидает мне на выручку золотой: получите, говорит, что следует... Взял я это в руки золотой, да больно уж маленький он мне показался, поглядел – вижу, что не по-нашенски на нем написано. Припасай, говорю, шляпа, другую монету, а эта у нас не ходит. «Сейчас видно, – говорит он мне, – что вы человек необразованный: во французском золоте ничего не смыслите!» Золотой-то назад взял и канареечную мне сунул, ну, я ему сорок копеек с нее и сдал. А самому-то за эти слова обидно стало и говорю ему: «Давно ли, Петр Петрович, форсить в цилиндрах стали? По вашей роже и картуз в пору, видно, у факельщика взяли, да траур снять позабыли!..» Это я про черную ленту на шляпе. Ну а он: серая необразованность, говорит, да и стречка дал – конфузно, видно, стало!.. – заключил буфетчик, обращаясь к стоявшему у прилавка испитому человеку в фуражке с чиновничьей кокардой, как видно своему доброму приятелю.

М. выждал закрытия трактира, и, когда трактир опустел, подошел к буфетчику, и, объявив ему, кто он, расспросил о приметах человека в цилиндре.

По всем приметам агент убедился, что утренний посетитель был не кто иной, как Гребенников. От того же буфетчика агент узнал, что утром в трактире была любовница Гребенникова, Мария Кислова.

Заручившись адресом этой Кисловой и объявив буфетчику, что в случае прихода Гребенникова он должен быть немедленно арестован как подозреваемый в убийстве, М. отправился к Кисловой, но застал дома только ее подругу, которая сообщила ему, что Кислова не являлась домой с восьми часов вечера – был уже второй час ночи. Сделав распоряжение о немедленном аресте Гребенникова и Кисловой, если они явятся сюда ночевать, М. оставил квартиру под наблюдением двух опытных агентов и отправился на поиски за Гребенниковым в публичные дома.

Серый цилиндр

В течение целой ночи агенты докладывали мне о своих безрезультатных поисках. Три лица, задержанные благодаря сходству с Гребенниковым, были отпущены. Явился и агент М. Выслушивая его доклад, я все более и более убеждался, что сегодня же Гребенников будет в наших руках.

М-у вместе с несколькими другими агентами я приказал наблюдать за трактиром «Избушка»; другим агентам – караулить квартиру любовницы Гребенникова, а двенадцати агентам я поручил следить за всеми трактирами по Знаменской и прилегающим к ней улицам.

Как оказалось по справкам адресного стола, Гребенников проживал раньше по Знаменской улице, почему и можно было ожидать, что, получив деньги, он явится в один из тех трактиров, где был завсегдатаем.

Около семи часов утра, когда открываются трактиры, агент Б. и два его товарища явились на Знаменскую улицу. Пойти прямо в «Избушку» и ждать там прихода Гребенникова или его любовницы Б. не решался из опасения, чтобы кто-либо из знакомых Гребенникова, узнав Б., не предупредил бы его, что в трактире его ждут. Б. решил наблюдать за «Избушкой» из окон находившейся напротив портерной лавки. Портерная, однако, еще не открывалась. Агенты стали прогуливаться в отдалении и не выпуская из глаз «Избушки». Когда портерная открылась, Б., поместившись у окна и делая вид, что читает газету, не спускал глаз с трактира. У другого окна поместился еще один агент. Прошел час, другой, третий...

Приказчик начал недоверчиво посматривать на этих двух немых посетителей. В исходе второго часа в портерную вошел М. и немного спустя другой агент, явившиеся на смену первым двум, которые тотчас удалились. Их место заняли вновь прибывшие. Это дежурство поочередно продолжалось до вечера. На колокольне Знаменской церкви ударили ко всеобщей...

Вдруг со вторым ударом колокола один из дежуривших вскочил как ужаленный и бросился к выходу... К «Избушке» медленно подходил высокий мужчина в сером цилиндре с трауром; только что он занес ногу на первую ступень лестницы, как неожиданно-негаданно получил сильный толчок в спину, заставивший его схватиться за перила.

Озадаченный толчком, Гребенников – это был он – в первый момент как бы растерялся. Этим воспользовался Б. и обхватил его. Но Гребенников, увидя опасность, сильно рванулся и освободился от сжимавших его рук. Почувствовав себя на свободе, он бросился вперед, но сейчас же попал в руки Ю-ва, Б. и Ю. схватили Гребенникова за руки. Видя, что сопротивление невозможно, Гребенников покорился своей участи, произнося с угрозой:

– Какое вы имеете право нападать на честного человека среди бела дня, точно на какого-нибудь убийцу или вора?.. Прошу немедленно возвратить мне свободу, иначе я тотчас буду жаловаться прокурору!.. Не на такого напали, чтобы вам прошло это даром. Вы ошиблись, приняли, вероятно, меня за кого-либо другого. Покажите бумагу, разрешающую вам меня арестовать.

– Причину ареста сейчас узнаешь в сыском отделении! – проговорил в ответ Б., не переставая вместе с агентом крепко держать за руки Гребенникова.

Затем все трое сели в проезжавшую мимо карету и привезли его в сыское отделение.

Гребенников всю дорогу выражал негодование за свой арест и угрожал жаловаться самому министру на своевольные действия полиции.

В сыском отделении Гребенников был обыскан. У него оказались золотые часы покойного князя Аренсберга и несколько французских золотых монет.

По происхождению Гребенников был купеческий сын и отлично владел грамотой.

Таким образом, к вечеру второго дня после обнаружения преступления оба подозреваемых были уже в руках правосудия.

Сознание

Дальнейший ход дела уже не зависел от сыскной полиции, но тем не менее допросы происходили в моей квартире.

Обвиняемые в задушении князя Аренсберга Шишков и Гребенников не сознавались в преступлении; и это обстоятельство причиняло большую досаду всем присутствовавшим властям.

Прокурор, бесплодно пробившийся с Шишковым битых три часа, заявил мне, что ни ему, ни следователю ни один из преступников не сознается.

– Хотя для обвинения имеются уже веские улики, – сказал он в заключение, – но было бы весьма желательно, чтобы преступники сами рассказали подробности совершенного ими убийства.

Моя задача, как я думал, была окончена с честью, а между тем я же должен был, как оказывалось, во что бы то ни стало добиться сознания. Это было необходимо для того, чтобы дать австрийскому послу уверенность, что арестованные были настоящие преступники, о чем посол торопился дать знать в Вену.

Убежденный, что общее мнение присутствовавших не оскорбит меня подозрением в способности употребить насилие для вынуждения сознания у обвиняемых, и получив массу уверений, что успех, если он будет достигнут, будет отнесен к искусству моему и навыку в допросах, я решил приступить к окончательному допросу.

По воспитанию и по характеру эти два преступника совершенно не походили друг на друга.

Гурий Шишков, крестьянин по происхождению, совсем не отличался от общего типа преступников из простолюдинов. Мужик по виду и по манерам, он был чрезвычайно угрюм и несловоохотлив. Сердце этого человека, как характеризовали его потом его же родственники, не имело понятия о сострадании.

Товарищ его, Петр Гребенников, происходил из купеческой семьи; при жизни отца он жил в довольстве и даже получил дома некоторое образование. Живя с отцом, он занимался торговлею лесом. Он показался мне более развитым, чем его товарищ Шишков, и более способным к решительному порыву, если задеть его самолюбие – эту слабую струнку даже закоренелых преступников.

Я решил быть с ним крайне осторожным в выражениях, главное, не быть гневным и устрашающим чиновником, а самым обыденным человеком.

– Гребенников, вы вот не сознаетесь в преступлении, хотя против вас налицо много веских улик, но это дело следствия, – так начал я свой допрос. – Теперь скажите мне, неужели вы, который отлично, кажется, понимаете судебные порядки, неужели вы до сих пор не отдали себе отчета и не уяснили себе, по какому случаю эта торжественная, из ряда вон выходящая обстановка, при которой производят о вас следствие? Вы видели, сколько там высокопоставленных лиц? Неужели вы объясняете их присутствие простым любопытством? Ведь вы знаете, что, если бы это было простое любопытство, оно могло быть удовлетворено на суде. Собрались же они тут потому, что вас повелено судить военным судом, с применением полевых военных законов. А вы знаете, чем это пахнет?.. – не спуская глаз с лица Гребенникова, с ударением произнес я.

– Таких законов нет, чтобы за простое убийство судить военным судом; да я и не виновен, значит меня не за что ни вешать, ни расстреливать... – ответил Гребенников.

– Но это не простое убийство. Вы забываете, что князь Аренсберг состоял в России австрийским политическим послом, поэтому Австрия требует, подозревая политическую цель убийства, военно-полевого суда для главного виновника преступления. А это, как вы сами зна-

ете, равносильно смертной казни. Я вас хотел предупредить, чтобы вы спасали свою голову, покуда еще есть время.

– Я ничего не могу сказать, отпустите меня спать, – сказал Гребенников.

На этом допрос пока кончился. Осязательного результата не было, но я видел, что страх запал в его душу.

На следующий день, в шестом часу утра, я был разбужен дежурным чиновником, который доложил мне, что Гребенников желает меня видеть. Я велел привести его.

– Позвольте вас спросить, когда же будет этот суд, чтобы успеть, по крайней мере, распорядиться кое-чем. Все-таки есть ведь близкие люди! – проговорил Гребенников. И по голосу его я сразу понял, что не для распоряжений ему это нужно знать, а для того, чтобы узнать от меня еще подробности.

– Суд назначен на завтра, а сегодня идут приготовления на Конной площади для исполнения казни... Вы знаете какие?.. На это уйдет целый день...

– Ну, так, значит, тут уж ничем не поможешь. За что же это, Господи, так быстро? – с нескрываемым волнением проговорил Гребенников.

Я поспешил успокоить его, сказав, что отдалить день суда и даже, может быть, изменить его на гражданский зависит от него самого.

– Как так? – с дрожью в голосе проговорил Гребенников.

– Да очень просто! Спознайтесь, расскажите все подробно, и я немедленно дам знать, кому следует, о приостановке суда. А там, если откроется, что убийство князя было не с политической целью, а лишь ради ограбления, то дело перейдет в гражданский суд, и за ваше искреннее сознание присяжные смягчат наказание. Все это очень хорошо сообразил ваш товарищ Шишков. Он еще третьего дня во всем сознался, только уверяет, что он-то тут почти ни при чем, а все преступление совершили вы. Вы его завлекли, поставили стоять на улице в виде стражи, а сами душили и грабили без его участия... – закончил я равнодушнейшим тоном.

Эффект моего заявления превысил ожидания.

Гребенников то краснел, то бледнел.

– Позвольте подумать! – вдруг сказал он. – Нельзя ли водки или коньяку?

– Отчего же, выпейте, если хотите подкрепиться, только не теряйте времени, мне некогда. Я велел подать коньяку.

– А вы остановите распоряжение о суде? – снова переспросил Гребенников.

– Конечно, – ответил я.

Выпив, Гребенников, как бы собравшись с духом, произнес:

– Я, извольте, расскажу. Только уж этого подлеца Шишкова щадить не буду. Виноваты мы действительно. Вот как было дело.

Заговор преступников

Накануне преступления Шишков, служивший раньше у князя Аренсберга, зашел в дворницкую дома, где жил князь.

– Здравствуй, как можешь? – проговорил дворник, здороваясь с вошедшим.

– Князя бы увидеть, – как-то нерешительно произнес Гурий, глядя в сторону.

– В это время их не бывает дома, заходи утром. А на что тебе князя? – спросил дворник.

– Расчетец бы надо получить, – ответил парень. – Ну, да другой раз зайду. Прощай, Петрович! – И с этими словами пришедший отворил дверь дворницкой, не оборачиваясь, вышел со двора на улицу и скорыми шагами пошел по направлению к Невскому.

Дойдя до церкви Знамения, Гурий Шишков повернул на Знаменскую улицу, остановился у окон фруктового магазина и начал оглядываться по сторонам, как бы поджидая кого-то. Ждать пришлось недолго. К нему подошел товарищ – это был Гребенников, и они пошли вместе по Знаменской.

– Ну как?

– Все по-старому; там же проживает и дома не обедает, – проговорил Гурий Шишков.

– Так завтра, как мы распланировали; на том же месте, где сегодня...

– Не замешкайся, как к вечерне зазвонят, ты будь тут, – проговорил тихим голосом Шишков. Затем, не сказав более ни слова друг другу, они разошлись.

На другой день под вечер, когда парадная дверь была еще отперта, Гурий пробрался в нее и спрятался вверху, под лестницей незанятой квартиры.

Князь, как мы уже знаем, ушел вечером из дома. Камердинер приготовил ему постель и тоже ушел с поваром, затворив парадную дверь на ключ и спрятав ключ в известном месте.

В квартире князя воцарилась гробовая тишина.

Не прошло и часа, как на парадной лестнице послышался шорох. Гурий Шишков спустился с лестницы и, дойдя до дверей квартиры, на мгновение остановился. Здесь он отворил входную дверь в квартиру и, очутившись в передней, прямо направился к столику, из которого и взял ключ, положенный камердинером. Осторожными шагами, крадучись, Гурий спустился вниз и отпер взятым ключом парадную дверь.

Затем он снова вернулся наверх и начал ждать...

Уже около одиннадцати часов ночи парадная дверь слегка скрипнула. Кто-то с улицы ее осторожно приотворил и тотчас же закрыл, бесшумно повернув ключ в замке. Затем все смолкло. Это был Гребенников. Немного погодя он внизу кашлянул, наверху послышалось ответное кашлянье. После этого условленного знака Гребенников стал подниматься по лестнице.

– Какого черта не шел так долго?! – грубо крикнул Шишков на товарища.

– Попробуй сунься-ка в подъезд, когда у ворот дворник пялит глаза, – произнес вошедший, подойдя к Шишкову. Оба отправились в квартиру князя, где вошли в спальню.

Это была большая квадратная комната с тремя окнами на улицу. У стены, за ширмами, стояла кровать, около нее помещался ночной столик, на котором лежала немецкая газета и стояла лампа под синим абажуром, свеча и спички. От опущенных на окнах штор в комнате было совершенно темно.

Гурий чиркнул спичку, подойдя к ночному столику, зажег свечку и направился из спальни в соседнюю с ней комнату, служившую для князя уборной.

Гребенников шел за ним. В уборной, между громадным мраморным умывальником и трюмо, стоял на полу у стены солидных размеров железный сундук, прикрепленный к полу четырьмя цепями. Шишков подошел к сундуку и стал ощупывать его руками. Гребенников

светил ему. Наконец Шишков нащупал кнопку, придавил ее пальцем, пластинка с треском отскочила вверх, открыв замочную скважину.

– Давай-ка дернем крышку, – проговорил Гребенников.

Оба нагнулись и изо всей силы дернули за выступающий конец крышки сундука; результата никакого. Попробовав еще несколько раз оторвать крышку и не видя от этого никакого толку, Шишков плюнул.

– Нет, тут без ключей не отворишь...

– Вот топора с собой нет, – с сожалением проговорил Гребенников.

– Без ключей ничего не сделать, а ключ он при себе носит.

– А ты не врешь, что князь в бумажнике держит десять тысяч?

– Камердинер хвастал, что у князя всегда в бумажнике не меньше, и весь сундук, говорил, набит деньжищами! – отрывисто проговорил Шишков.

Оба товарища продолжали стоять у сундука.

– Ну, брат! – прервал молчание Шишков. – Есть хочется!

Гребенников вынул из кармана пальто трехкопеечный пеклеванник, кусок масла в газетной бумаге и все это молча передал Шишкову.

На часах в гостиной пробило двенадцать.

Тогда Шишков и Гребенников опять перешли в спальню и сели на подоконники за спущенные драпри, которые их совершенно закрывали.

– С улицы бы не увидели, – проговорил робко Гребенников.

– Не видишь, что ли, шторы спущены... Рано, брат, робеть начал! – насмешливо проговорил Шишков, закусывая хлебом.

Ключ-предатель

Четвертый час утра... На Миллионной улице почти совсем прекратилось движение. Но вот издали послышался дребезжащий звук извозчичьей пролетки, остановившейся у подъезда.

Князь, расплатившись с извозчиком, не спеша вынул из кармана пальто большой ключ и отпер парадную дверь. Затем он, как всегда, запер дверь и оставил ключ в замке. Войдя в переднюю, он зажег свечку и пошел в спальню.

Подойдя к кровати, князь с усталым видом начал медленно раздеваться. Выдвинув ящик у ночного столика, он положил туда бумажник, затем зажег вторую свечу и лег в постель, взяв со столика немецкую газету. Но через несколько времени положил ее обратно, задул свечи и повернулся на бок, лицом к стене.

Прошло полчаса. Раздался легкий храп. Князь, видимо, заснул. Тогда у одного из окон портьера тихо зашевелилась, послышался легкий, еле уловимый шорох, после которого из-за портьера показался Шишков. Он сделал шаг вперед и отделился от окна. В это же время заколебалась портьера у второго окна, и из-за нее показался Гребенников.

Затаив дыхание и осторожно ступая, Шишков поминутно останавливался и прислушивался к храпу князя.

Наконец Шишков у столика. Надо открыть ящик. Руки его тряслись, на лбу выступил пот... Еще мгновение, и он протянул вперед руку, ощупывая ручку ящика. Зашуршала газета, за которую он зацепил рукой... Гурий замер. Звук этот, однако, не разбудил князя. Тогда Шишков стал действовать смелее. Он выдвинул наполовину ящик и стал шарить в нем, ища ключей; ощутив их, он начал медленно вытаскивать их из ящика, но вдруг один из ключей, бывших на связке, задел за мраморную доску тумбочки; послышался слабый звон... Храп прекратился. Шишков затаил дыхание.

– Кто там? – явственно произнес князь, поворачиваясь.

За этим вопросом послышалось падение чего-то тяжелого на кровать – это Шишков бросился на полусонного князя. Гребенников, не колеблясь ни минуты, с руками, вытянутыми вперед, также бросился к кровати, где происходила борьба Шишкова с князем. В первый момент Гурий не встретил сопротивления, его руки скользнули по подушке, и он натолкнулся в темноте на руки князя, которые тот инстинктивно протянул вперед, защищаясь. Еще момент – и Гурий всем своим телом налег на князя. Последний с усилием высвободил свою руку и потянулся к сонетке, висевшей над изголовьем. Шишков уловил это движение и, хорошо сознавая, что звонок князя может разбудить кухонного мужика, обеими руками схватил князя за горло и изо всей силы повернул его к ногам постели, откуда уже нельзя было достать сонетки.

Князь стал хрипеть, тогда Шишков или из опасения, чтобы эти звуки не были услышаны, или из желания скорее покончить с ним схватил попавшуюся ему под руку подушку и ею продолжал душить князя. Когда князь перестал хрипеть, Шишков с остервенением сорвал с него рубашку и обмотал ею горло князя.

Гребенников, как только услышал, что Гурий бросился вперед к месту, где стояла кровать князя, не теряя времени, бросился на помощь тоже. Задев в темноте столик и опрокинув стоявшую на нем лампу, он, не зная и не видя ничего, очутился около кровати, на которой уже происходила борьба князя с Шишковым, и начал тоже душить князя. Но вдруг он почувствовал, что руки его, душившие князя, начинают неметь. Ощувив боль и не имея возможности владеть руками, Гребенников ударил головою в грудь наклонившегося над ним Шишкова, опьяневшего от борьбы.

– Что ты со мной, скотина, делаешь?! Пусти мои руки!..

Придя в себя от удара и слов Гребенникова, Шишков перестал сдавливать горло князя и вместе с этим и руки Гребенникова, обвившиеся вокруг шеи последнего. Давил он рубашкой

князя, которую сорвал с него во время борьбы. Освободив руки Гребенникова, Гурий вновь рубашкой перекрутил горло князя, не подававшего уже никаких признаков жизни.

Оба злоумышленника молча стояли около своей жертвы, как бы находясь в нерешительности, с чего бы им теперь начать. Первым очнулся Шишков.

– Есть у тебя веревка?

Гребенников, пошарив в кармане, ответил отрицательно.

– Оторви шнур от занавесей да зажги огонь! – проговорил Шишков.

Когда шнурок был принесен, Гурий связал им ноги задушенного князя из боязни, что князь, очнувшись, может встать с постели.

Грабеж

После этого товарищи принялись за грабеж. Из столика они вынули: бумажник, несколько иностранных золотых монет, три револьвера, бритвы в серебряной оправе и золотые часы с цепочкой.

Из спальни с ключами, вынутыми из ящика стола, Шишков с Гребенниковым направились в соседнюю комнату и приступили к железному сундуку.

Но все их усилия отпереть сундук не привели ни к чему. Ни один из ключей не подходил к замку. Тогда они стали еще раз пробовать оторвать крышку, но все напрасно – сундук не поддавался.

Со связкой ключей в руке Шишков подошел к письменному столу и начал подбирать ключ к среднему ящику. Гребенников ему светил.

Но вот Гурий прервал свое занятие и начал прислушиваться: до него явственно донесся шум от проезжающего экипажа. Гребенников бросился к окну, стараясь разглядеть, что происходило на улице.

– Рядом остановился господин... Пошел в соседний дом, – проговорил почему-то шепотом Гребенников.

Вдали послышался шум ехавшей еще пролетки. На лицах Шишкова и Гребенникова выразилось беспокойство.

– Надо уходить... Скоро дворники начнут панели мести, и тогда... крышка! – проговорил Гурий, отходя от письменного стола.

Оба были бледны и дрожали, хотя в комнате было тепло. Шишков вышел в переднюю. Взглянув случайно на товарища, он заметил, что на том не было фуражки.

– Ты оставил фуражку там... у постели, – сказал он товарищу. – Пойди скорей за ней, а я тебя обожду на лестнице.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.